

Владимир Комиссар
Учитель физкультуры

Владимир Комиссар
Учитель физкультуры

«Издательские решения»

Комиссар В.

Учитель физкультуры / В. Комиссар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932831-1

«Воздействие мозгового поля является основной причиной таких феноменов как телекинез, телепатия, экстрасенсорика, провидение и многих других», — считает американский ученый, работающий на Министерство обороны. Только способности Сергея Пяткина куда уникальнее. Каковы же возможности его мозгового поля, и к чему они приведут, читайте в остросюжетном триллере.

ISBN 978-5-44-932831-1

© Комиссар В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТКРЫТИЕ	6
1	6
2	9
3	12
4	16
5	19
6	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОБЕГ	26
1	26
2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Учитель физкультуры

Владимир Комиссар

© Владимир Комиссар, 2018

ISBN 978-5-4493-2831-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТКРЫТИЕ

1

Сразу хочу обратить внимание, что центральной фигурой этого повествования являюсь вовсе не я, но именно я первым открыл у него эти удивительные способности и стал главным, причем беспристрастным свидетелем всех необычных событий, с ими связанных. Поэтому, считаю вполне уместным вначале уделить внимание своей скромной персоне.

Итак, Мерешко Геннадий Александрович. Родной город – Донецк. Конкретное место среды воспитания и обитания – Калининский район, точнее, так называемый в народе, поселок Поповка. Отца своего я не знал, подозреваю, что мать моя замужем так и не побывала и родила меня далеко за тридцать, чтобы избежать одиночества и иметь хоть какую-то семью. Но семья наша не очень-то сложилась. Мать целыми днями пропадала на работе практически без выходных (работала нянечкой в детском саду), а будучи дома предавалась лечению всевозможных своих болячек, коих она насчитывала у себя несколько десятков и соответственно от периодически возникающей депрессии. Я же был предоставлен самому себе, проводя время в основном на улице в компании своих товарищей по двору или по школе. Денег нам хватало лишь на лекарства и пропитание, благо еще мне существенную помощь оказывала мамина младшая сестра, новой одеждой, лакомствами, а иногда игрушками и другими средствами для развлечения. Тетя Лида была моложе матери лет на пятнадцать и полной противоположностью ей. Подвижная, жизнерадостная красавица с не совсем строгой, но очень практичной жизненной позицией. К ее-то советам я прислушивался гораздо больше, чем к материнским требованиям.

Вполне возможно, что я мог проявить способность ко многим школьным предметам, но не судилось. Меня никто не контролировал, уроки часто прогуливал, домашние задания не выполнял, едва тянул на тройки. Единственно в чем я с лихвой развивался, так это физически. Увлекался футболом, участвовал в драках со смежными поселками, летом совершал длительные заплывы через Кальмиус. А еще периодически записывался на всевозможные спортивные секции – карате, бокс, фехтование. К окончанию школы, а на тот момент моя родная «шестнадцатая» была восьмилеткой, я сложился в достаточно крепкого подростка, с задорным и беспечным характером, зачастую наводящим страх на многих своих сверстников. Была значительная вероятность, что я после школы, как говорится, «пойду по наклонной», но в мою судьбу вмешалась тетя Лида, устроив меня по большому благу в техникум физической культуры и спорта. Я стал студентом.

Техникум меня, более-менее, дисциплинировал. Посещал лекции, читал учебники, сдавал зачеты и экзамены. И, естественно, большое количество времени уделял спорту, причем в самых различных направлениях. Выдающихся результатов я не достиг – таланта не хватило, но по ряду видов спорта (легкая атлетика, бокс, стендовая стрельба) получил начальные разряды. В общем, за четыре года учебы я превратился в статного, физически развитого и сильного духом молодого мужчину, жаждущего испытаний и приключений. И нет ничего удивительного, что на призывной комиссии в военкомате я записался добровольцем в Афганистан.

Четыре месяца учебки прошли очень быстро и без особого напряжения, ведь я был хорошо подготовлен физически и достаточно закален морально. И вот спустя две недели по прибытию в Авган, я ехал на броне БТРа к месту несения боевого дежурства. На мне десантская тельняшка, лихая безкозырка, в руках снайперская винтовка (мне ее сразу доверили как лучшему стрелку роты). Я еду и предаюсь грезам, как я полтора года буду участвовать в боевых операциях, осуществлять смелые вылазки и героически сражаться с «духами». Домой вернусь в парадной форме ВДВ, весь в медалях, и обязательно, со звездой Героя. Но увы... За следу-

ющим поворотом нас ждала засада и армейская колонна попала под минометный обстрел. Мои мечтания прервало прямое попадание снаряда в БТР. Ослепительная вспышка, и я в полной темноте.

Моя война завершилась для меня, так и не начавшись. Одиннадцать осколочных ранений, сильнейшая контузия и более двадцати процентов ожогов кожного покрова. Два месяца врачи боролись за мою жизнь. Операции, вливания крови, пересадки кожи. Затем еще более года я провел в различных реабилитационных центрах. В общем, мое здоровье удалось восстановить практически полностью за исключением следов от ожогов на лице и шее и незначительной хромоты на левую ногу, но домой я вернулся полностью разбитым как душой, так и телом. Озлобленность на всех и все, страшная жалость к себе и горечь утраты всех своих чаяний. Результатом этого стали непроходящая депрессия и почти двухлетний запой.

Инвалидного пособия на спиртное не хватало, сбережений и сколь ценного имущества я никогда не имел, поэтому постоянно приходилось кланчить деньги у друзей-знакомых, а зачастую доходило дело до откровенного попрошайничества и вымогательства просто у незнакомых людей. Милиция часто делала предупреждения, угрожала отправить в ЛТП, но дальше угроз дело не доходило, ведь я инвалид, участник боевых действий. Теперь уже точно «катился по наклонной».

Спасла меня опять моя тетка. Вернувшись из Сибири после пятилетнего очередного замужества, она застала своего любимого племянника едва живого, лежащего в собственных испражнениях и практически ничего не понимающего. Обмыла, одела, отвезла в клинику, где мне две недели ставили капельницы и клизмы, основательно промыла мозги, а спустя еще некоторое время устроила на работу – в мою родную школу №16 учителем физкультуры.

Директор школы, Владимир Петрович, кстати, тоже бывший военный, встретил меня довольно холодно и произнес короткую, но достаточно жесткую речь:

– Против тебя лично я ничего не имею, но мне не нравится, когда в РАЙОНО протезируют таких темных личностей и дилетантов в педагогике. Но возражать не буду. Пока. Вот, мои условия. Сейчас конец апреля. Даю тебе срок до первого сентября привести в порядок свой внешний облик, чтобы он соответствовал статусу учителя, восстановить физическую форму, соответствующую спортивному наставнику и проштудировать ряд книг по педагогике. Список составлю. Не выполнишь – ни твое афганское прошлое, ни твои знакомства не помогут получить эту должность.

Условие я выполнил и в сентябре начал вести уроки физкультуры в начальных классах. Поначалу было малоинтересно и нелегко. Самое сложное было поддерживать дисциплину у детей и склонять их без баловства выполнять те или иные требования и физические упражнения. Я постоянно злился, часто срывался, а иногда еле сдерживал себя, чтобы не перейти к экзекуции особо непослушных школьников. Дельный совет мне дал по этому поводу мой коллега физрук, без пяти минут пенсионер, Василий Иванович:

– Ты, Ген, главное не бери все близко к сердцу. А чтобы восстановить порядок, сделай вид, что ты взбешен, сверкни глазами, скорчи физиономию, поскрипи зубками, а сам про себя улыбайся при этом. Кстати, с твоей внешностью ты этого без труда добьешься.

Да, моя физиономия со шрамами и ожогами, на роль страшилки вполне подходила, не зря меня школьники наградили кличкой «Ящур», но совет старшего педагога все-таки помог. Я с каждым днем становился все спокойнее и увереннее и все больше находил интересного в новой профессии.

Сам Василий Иванович относился к своим обязанностям уж очень спокойно, скорее безразлично. Чаще всего, когда не надо было фиксировать какие-либо нормативы и выставлять отметки, предоставлял мальчишкам их любимый футбольный мяч, а девочкам, еще что-нибудь интересное и только наблюдал периодически за процессом физического воспитания. Главное, чтобы ничего не случилось до пенсии.

Я же пошел по другому, более творческому пути. Внимательно изучил все соответствующие учебные программы и методические пособия, дополнил их своими новшествами и стал пытаться всесторонне физически развивать мальчиков и девочек с различными физическими данными и возрастом. То, что я предлагал, детям всегда нравилось, иногда было тяжело, но я был упорен и все-таки добился понимания и приобрел достаточный авторитет у школьников. А еще я при содействии общества афганцев обновил часть школьного инвентаря, добился проводить несколько раз в неделю занятия в бассейне ДОСАФ, а когда был допущен к преподаванию в старших классах, организовал при школе секцию бокса.

Моя личная жизнь, мягко говоря, оставляла желать лучшего, уж очень я комплексовал по поводу своих увечий, поэтому я все больше получал отраду от преподавания, читал научную литературу, тренировал память, увлекся психологией и альтернативной медициной.

В общем, к двадцати пяти годам стал вполне профессиональным учителем физкультуры.

2

Его я первый раз увидел ровно через два года моей педагогической карьеры, проводя у пятиклассников первый урок физкультуры в этом учебном году. Сергей Пяткин стоял в строю с отрешенным, чуть туповатым взглядом. Почти на голову выше своих одноклассников, нелепая фигура – узкие плечи, худые руки и непомерно широкий таз. Вылитый персонаж из американских мультиков. Чуть позднее я узнал его довольно трагическую историю.

До четвертого класса, проживая в каком-то райцентре под Киевом, Сергей рос вполне нормальным, очень подвижным ребенком. Но как-то играя с товарищами, он неудачно упал с дерева и ударился головой. Сильное сотрясение, гематома мозга и еще ряд менее существенных травм. Длительное время находился в коме, практически без всякой надежды на выздоровление. Затем – временная утрата памяти и речи, проблемы с моторикой. Надо отдать должное его родителям, они сделали все возможное и невозможное, чтобы их сын поправился. В конце концов, все последствия травмы были устранены, но на это ушло практически два года. И теперь Сергей пришел в пятый класс нашей школы, хотя по возрасту ему следовало учиться в седьмом.

В умственном отношении он был вполне нормальным, разве что слегка заторможенный. Нормально учился, сам решал все задания, получал неплохие оценки. А вот физическая подготовка Сергея, мягко говоря, оставляла желать лучшего. На перекладине он висел как груша, не в состоянии своими худыми руками хоть чуть приподнять свое неуклюжее тело, в игровых видах спорта постоянно впадал в ступор, боясь мяча, а его манера бегать, виляя тазом, вообще вызывала неудержимый смех у окружающих. При этом Сергей был абсолютно необщительным и неразговорчивым.

Неслучайно Пяткин стал объектом насмешек и издевательств со стороны одноклассников, получив обидное прозвище Емеля-дурачок. На насмешки и злые шутки он реагировал достаточно остро – хныкал, как маленький, и сразу ретировался. В общем, ни друзей, ни подруг.

Однажды, на моем уроке, я стал свидетелем потешной сцены. Мальчишки играли в футбол и Пяткин, а его все время ставили на ворота, пропустил совсем нелепый гол. К нему подбежал фаворит команды Андрей Марченко, самый низкорослый мальчик этого класса и стал грубо выговаривать, по поводу этого мяча. Картина, еще та. Марченко, приходящийся как раз по пояс Пяткину, высоко задрав голову, кричит на последнего, а затем, видимоне удовлетворившись только словами, в прыжке, а именно только в прыжке он и мог дотянуться, тыкает кулачком в физиономию Пяткина. В итоге Пяткин опять рыдает. Я сам, к своему стыду, рассмеялся при виде этой сцены. А затем все-таки решил поговорить с Сергеем, задержав его после урока.

– Сергей, мне кажется, что тебе больше надо уделять времени своему физическому развитию, – начал я свой разговор – ты должен чуть подкачать свои мышцы, научиться делать ряд упражнений на перекладине, заняться пробежками, в конце концов. Если хочешь, я могу составить для тебя план индивидуальных занятий и помогать тебе его выполнять. Хорошо бы, чтобы ты приходил в спортзал пару раз в неделю и занимался там дополнительно. Может, спортсменом ты и не станешь, но окрепнешь душой и телом.

– А зачем мне все это нужно, – посупившись, пробормотал Сергей.

Я разозлился:

– Ну, ты же мужчина, все-таки. Нельзя быть таким размазней, что бы над тобой все издевались.

У Пяткина опять потекли слезы. А на следующий день сутра уже меня домогалась классный руководитель 5-В класса.

– Геннадий Александрович, что там у вас произошло вчера на уроке физкультуры? Что Вы там обидного наговорили Пяткину? Мне вечером звонила его мать, и ее негодование не имело предела. Вы же прекрасно знаете, что с Пяткинским особый случай.

– Зоя Стефановна, я прекрасно о всем осведомлен, – спокойно ответил я – Я лишь посоветовал Сергею больше времени уделять физической нагрузке и предложил свою помощь

Зоя Стефановна вскипела:

– Да как ты смел такое, советовать? Ты что, врач? Профессор? Займись лучше своими оболтусами, с твоего бокса, что б поменьше цеплялись к мальчику! Дисциплину и порядок лучше наведи на своих уроках! А к Пяткину своими ненужными инициативами не приставай!

– Ген, ну ты же прекрасно понимаешь всю обстановку, – уже более миролюбиво добавила она.

«М-да, инициатива, как обычно наказуема, – подытожил я про себя наш диалог, – если все против, то и не буду больше приставать к пацану». Так я и поступал. До следующего случая.

А следующий случай произошел к концу учебного года, где-то в середине мая. Я находился в своем кабинете возле спортзала, заполнял дневник и периодически посматривал в окно, любуясь буйством весеннего цветения. На заднем школьном дворе я заметил Сергея Пяткина, одиноко сидящего на лавочке и читающего учебник. Прогуливает кто уроки, или нет, мне это было безразлично, как, впрочем, и большинству наших преподавателей, если конечно, это не их собственный урок. Поэтому, на его нахождение здесь я никак не отреагировал. Далее я увидел приближающуюся к Пяткину группу подростков, более старших классов, вооруженных самодельными дубинками из строительного каучука, пользовавшихся большой популярностью у мальчишек в те времена. Не бог весть какое оружие, да и мелкие потасовки между учащимися в нашей школе происходили повсеместно, на них также мало кто реагировал, разве что во время откровенного мордобоя. Но я стал приглядываться.

Старшеклассники, а их было трое, подошли вплотную к Пяткину, и размахивая дубинками стали ему что-то говорить. Слов я не слышал, хотя и было открыто окно. Надо заметить, что наш спортзал находился на втором этаже школьного здания. Получив несколько ударов дубинками в корпус, Пяткин встал с лавочки. Вообще-то строительный каучук довольно мягкий и удары им практически безболезненны, разве что ударить с силой в лицо. Еще пару ударов и что-то ответил Пяткин. Далее реплики подростков стали громче, и я стал разбирать отдельные слова.

– Что ты сказал? Я – скотина? Да я тебя сейчас урою, Емеля! – выкрикнул один из старшеклассников, в котором я узнал главного забияку школы Здика Барышева, и замахнулся дубинкой, целясь в лицо Сергея.

Пора было вмешиваться, но меня буквально парализовало дальнейшее развитие событий. Рука с дубинкой, описав траекторию, неумолимо приближалась к лицу Пяткина, но тот в последний минутрезку пригнулся и удар прошел мимо. Аналогичную атаку повторил второй подросток, и Сергей также мастерски уворачивается от удара. Третий старшеклассник набросился на Пяткина уже просто с кулаками. Попытка удара с правой руки в область головы – Сергей увернулся, удар с левой в область груди – Сергей отошел, еще одна попытка – и...старшеклассник упал на землю встреченный прямым ударом Сергея в челюсть.

– А х ты сука, ты еще и бодаешься! – отбросив бесполезное каучуковое оружие, пошел теперь в наступление Барышев.

Ситуация повторилось. Несколько неудачных попыток достать Пяткина гроза старшеклассников падает сложившись пополам от удара Сергея под-дых. Третий подросток не стал ввязываться в драку и лишь бормотал, помогая встать товарищам:

– Ну, мы тебе еще устроим, Емеля! Ох. Устроим.

Выйдя из оцепенения, я побежал вниз.

Старшеклассников уже не было. Сергей стоял один, прижимая руку к затылку.

– Что, тебе сильно досталось? – спросил я, указывая на затылок.

– Да нет, просто закололо в затылке, – ответил Сергей.

«Наверное, резко дернул головой. Такое бывает» – подумал я удивленно смотря на Сергея и задавая следующий вопрос :

– Слушай, ну а как тебе все-таки удалось отметелить этих гопников, ведь за тобой никогда такие способности не наблюдал?

– Не знаю. Как-то само собой вышло.

– Никогда б не подумал, – настаивал я – ведь с тебя спортсмен как с меня баянист. А тут такое побоище устроил, ну прямо гладиатор. Может ты когда-нибудь занимался каким-нибудь рукопашным спортом?

Молчание в ответ. Я продолжал:

– Слушай, похоже, у тебя очень хорошая реакция и ты можешь стать очень неплохим спортсменом. Приходи ко мне на секцию бокса. Расписание занятий висит у спортзала. Неприятного там ничего не будет. Хочешь, я с твоими родителями поговорю? Придешь?

– Не знаю. Сейчас контрольные. А на каникулах я еду с родителями под Киев в деревню на все лето.

– Ну, тогда жду тебя до сентября.

Я протянул на прощанье Сергею руку, тот удивленно робко ее пожал. Ну а в сентябре все-таки пришел.

3

Я никогда не был сколь значимым боксером. Чуть занимался боксом в школе, чуть в техникуме, провел с десяток боев на соревнованиях, получил третий разряд. Естественно, и сколь значимым тренером я не стал, да и не стремился. Моя задача не заключалась в воспитании спортсменов-разрядников, я стремился научить подростков постоять за себя, научить мужеству, превозмочь страх в экстремальных ситуациях. И занятия по боксу я проводил по своей собственной методике, что-то позаимствовав из своего опыта, что-то почерпнув из литературы. Хотелось бы чуть остановиться на ней.

По моему убеждению, в боксе самое важное – это удар. От него зависит успех в поединке. Отработка боксерского удара состоит из трех этапов, причем, только хорошо освоив предыдущий этап, можно переходить к последующему. На первом этапе необходимо научиться бить быстро. Нетренированный человек на подготовку к удару и сам удар, тратит несколько секунд, а для бокса это очень большое время. Пока решился, пока замахнулся, пока реализовал, и в результате, профессионал его легко парировал. Надо научиться бить резко, без подготовки, с любого положения, так чтобы противник не успевал замечать твоих намерений и, соответственно, реагировать. Такой удар должен быть не один, а целая серия, на весь поединок. Довольно непростая задача.

Те, кто начинают с нею справляться, уже бьют быстро и резко, но куда попало. Точность удара отрабатывается уже на следующем этапе тренировок. Быстрый и резкий удар должен максимально достигать конечной цели — головы или корпуса противника, учитывая поставленные блоки и возможные уходы и отскоки. Для достижения этого требуется тоже определенный период времени.

Третий этап посвящен силе удара. Хороший удар основывается не только на крепости мышц боксера, но и на умении задействовать вес собственного тела, принцип «плеча», как сказал бы физик-механик. Для этого необходимо принимать соответствующие стойки, правильно двигаться корпусом, находить подходящие опоры для ног.

Естественно, все навыки по постановке удара оттачивались в основном на груше, (их на тренировке я вывешивал одновременно пять), и именно этому снаряду учащиеся уделяли большую часть времени занятий. Ну а время прохождения каждого этапа для конкретного учащегося было весьма индивидуально. Кто-то, спустя полгода тренировок, уже показывал неплохие навыки в силе удара, а кто-то за год так и не научился бить быстро и резко.

Защита в боксе опирается, прежде всего, на реакцию. Поэтому, одновременно с тренировкой удара огромное внимание я уделял тренировке реакции, используя, в том числе, несколько специальных упражнений. Первое упражнение я лишь показывал на своей секции, предлагая выполнять его на переменах и в другое свободное время. Суть его достаточно простая. Два учащихся садились за школьный стол лицом к другу, положив кисти рук перед собой ладонью вниз. Затем каждый из них поочередно должен был резко оторвать свою ладонь со стола и ударить по кисти соперника, второй же должен был успеть убрать свою руку и нанести ответный удар по второй кисти партнера. Этот прием я вычитал из литературы, и дал ему название «барабанщики».

Второе упражнения я проводил в спортзалевначале каждого занятия сразу после разминки. Один из учеников становился в вычерченный мелом круг диаметром с полметра и должен был, не выходя за линию, со сплетенными за спиной руками, уворачиваться от бросаемых в него теннисных мячей. Эти мячи, быстро один за другим, бросал другой учащийся с расстояния 15—20 метров, целясь в голову или корпус первого. Так мы тренировали реакцию в техникуме. Однако, в школе мне скорым временем, после ряда случаев с разбитыми носами и поставленными синяками, пришлось заменить тяжелые теннисные мячи на более лег-

кие детские резиновые. Скорость полета их, конечно гораздо ниже, но зато даже прямое попадание в лицо оказывается практически безболезненным. Правда, для обеспечения надлежащей нагрузки мячи в испытуемого теперь бросали одновременно двое.

Ну и естественно я проводил классические в боксе упражнения с лапой, а каждую тренировку заканчивал серией спаринга с неполным контактом. Вот такая нехитрая методика моих занятий. И так по 2.5.– 3 часа в день, четыре раза в неделю.

Где-то спустя три месяца после прихода Пяткина на мою секцию я пришел к выводу, что Сергей абсолютно не имеет даже маломальских способностей к боксу. Мало того, он так и остался самым худшим учеником группы в спортивном плане. Как я не старался, удар у него никак не получался. Упражнения с грушей Пяткин проделывал, как в замедленной съемке, ни скорости, ни силы, ни точности, не говоря уже о правильной постановке рук и ног. Полная безнадега. Реакция его также была наихудшей. В «барабанщиках» он не мог преодолеть заторможенность и постоянно получал по рукам от соперника. Та же ситуация происходила и в упражнении с резиновыми мячиками. Цели не достигали лишь те, кто и так должен быть пролететь мимо. Ни пригнуться, ни отвести корпус Сергей никогда не успевал.

Естественно, у меня не было даже и мысли за эти три месяца поставить Пяткина на спаринг. Боксерские перчатки на самом деле защищают в бою лишь руки, кулаки точнее, и даже не очень сильный удар в открытый корпус или лицо может вызвать серьезное болевое ощущение или травму. Поэтому с такой нулевой подготовкой как у Пяткина на ринге ему делать было нечего. Я уже стал задумываться, не привиделся ли мне тот случай в заднем школьном дворе. Но мои выводы поставил под сомнение очередной случай.

Я только закончил бросать теннисные мячи в одного из наиболее подготовленных членов моей секции (их я все-таки для отработки реакции иногда продолжал применять) и наблюдал, как бросают резиновые мячики двое учащихся в Пяткина. Ничего нового. Практически все мячи попадали по назначению. Я переминая в руках два теннисных мяча только безутешно качал головой. Не знаю, что меня заставило сделать это, но следующий поступок стал неожиданным для меня самого – я ни с того ни с сего замахнулся и с силой запустил тяжелый теннисный мяч в направлении Пяткина. В следующее мгновение пришлось аж зажмуриться от страха. Мяч с большой скоростью приближался к лицу Сергея, угрожая нанести серьезную травму. Но в последний момент Сергей внезапно увернулся от него.

Что-то заставляет меня бросить следующий мяч. Бросок такой же сильный и точный, но Сергей опять чудом уходит от столкновения, показывая удивительную реакцию, которую до сих пор ни разу не проявил на тренировках. В моей голове тут же пронеслась мысль-разгадка этому чуду, но пронеслась очень быстро, как вспышка света, и я пока не смог ухватиться за нее и предать ей словесную форму. В задумчивости я провел всю тренировку, а в ее конце все же решился поставить Пяткина на спаринг.

Я подозвал для этого одного из лучших своих учеников семиклассника Костю Сикарева, имеющего примерно такую же весовую категорию, как и Пяткин.

– Смотри, Костя, – дал я инструкции – сейчас станешь на ринг с Пяткиным. Сосредоточься на атаке. Побольше обманных движений, побольше ударов, но в полный контакт не входи, фиксируй удар, а то еще нокаутируешь. Погоняй его по рингу. Посмотрим на его реакцию.

Спаринг начался. Костя налетел на Сергея, непрерывно демонстрируя поток технических движений руками с различных положений. Обманные комбинации, ложные выпады, прямые попадания в перчатку, легкие соприкосновения с корпусом – все то что он в общем то неплохо от меня усвоил в бесконтактном спаринге. Пяткин на эти атаки практически не отвечал. На обманные выпады не реагировал, перчатку подставлял с опозданием, легкие соприкосновения с корпусом пропускал. В общем реакции ноль. Но, как ни странно, меня это уже не удивляло – разгадка уже начала сформировываться.

– А ну давай, Костя, чуть интенсивнее. Достань его пару раз, но не очень сильно – рискнул скомандовать я.

Сикарев перешел к более настоящим ударам, целясь в лицо Пяткина. Обманный выпад с левой – Сергей не отреагировал. Короткий прямой с правой – Сергей быстро подставил перчатку. Удар левой снизу – Сергей отклонился назад. Боковой сильный удар справа – Сергей с профессиональной сноровкой ушел под руку соперника. Разгадка происходящего внезапно полностью обрела словесную форму в моем мозгу: **«У Пяткина просыпается отменная реакция только в момент реальной опасности, реальной угрозы получить боль или травму»**. Я был шокирован теперь уже четкой и ясной этой мыслью и даже несколько секунд перестал контролировать дальнейший ход поединка.

– Все, Костя, брэк. Расходимся – с некоторым запозданием выкрикнул я следующую команду.

Но Сикарев увлекся и усилил атаку, пытаясь достать Пяткина уже сильными и опасными ударами. Удар с левой – Пяткин парировал перчаткой. Удар с правой – Пяткин угнулся. Следующая попытка – и Сикарев внезапно опускает руки, получив прямой встречный удар в нос. Все правильно, ведь спасительная реакция заключается не только в способности быстро уйти от опасного удара, но и в возможности предотвратить его успешной контратакой.

– Все, ребята, расходимся! – повторил я свою команду, встав между двумя учениками.

Костя, еще полностью не пришел в себя после удара и таращился удивленными глазами по сторонам, вытирая кровь из разбитого носа. Сергей стоял также с удивленным видом, прижимая перчатку к затылку.

– Что с головой? Пропустил удар? – спросил я у Сергея.

– Да вроде, нет. Просто закололо в затылке, – ответил тот

– Все тренировка на сегодня закончена. Все в раздевалку. – распорядился я и добавил, обратившись к Сергею – А ты, Пяткин, подойди ко мне завтра после уроков, пожалуйста.

Итак, по моему мнению, я стал свидетелем очень редкого, но все же объяснимого явления. В обычных обстоятельствах реакция у Пяткина «спит», «отдыхает», наверное, правильнее выразиться. Он не в состоянии вовремя убрать кисть в «барабанщиках», не способен увернуться от резиновых мячей, ведь ни шлепок ладонью, ни попадание легкого мяча не доставляют сколь весомого болевого ощущения, а значит, не представляют опасности, так же, как и фиксированный толчок перчаткой в корпус. Но все становится совсем по-другому, когда удар производится настоящий, а мяч запускается тяжелый. Результат будет достаточно болезненным, а значит опасным. И на эту опасность он быстро реагирует, парирует удар или предупреждает следующий. Его удивительная реакция теперь внезапно «просыпается». Какой-то индикатор внутри него в доли секунды распознает, что может представлять угрозу, а что нет «включая» при необходимости упомянутую реакцию.

Я к тому времени стал достаточно начитанным человеком и подобные случаи я иногда отмечал в научной литературе. Да, это – очень редкое явление, но отнюдь не фантастическое.

Далее мои размышления перешли к следующему аспекту. Поединок в профессиональном боксе – это всегда боль, разбитые губы и носы, легкие сотрясения, а иногда и более существенные травмы, а значит реальная опасность. Поэтому Сергей со своими уникальными способностями сможет стать первоклассным бойцом, может даже чемпионом, а я как первооткрыватель этого стану его тренером. Надо только основательно заняться тренировкой этих способностей. В моей голове поплыли яркие картины-фантазии недалекого будущего. Вот Сергей с моей помощью все-таки осваивает технические навыки бокса. Вот он дерется на ринге, повергая одного за другим соперников в нокауты. Вот он уже с чемпионской лентой. И его славу заслуженно разделяю я сам.

«Его уникальный индикатор опасности будет своевременно включать такую же уникальную реакцию, которая не позволит пропустить сколь значимый удар, заставит парировать его и мобилизует все силы, чтобы выиграть поединок», – подытожил я свои размышления.

Ох. Как же я еще тогда был далек тогда от истины.

4

На следующий день после уроков мы стояли с Пяткиным в спортзале, и я излагал ему свою теорию.

– Но разве такое возможно? – удивился Сергей, дослушав мои выводы.

– А, почему бы и нет? – ответил я – Это редкое явление, но отнюдь не невозможное. Все человеческие возможности до сих пор не полностью изучены, особенно в экстремальных ситуациях.

Далее продолжил:

– Вот тебе несколько известных примеров. Пожилая женщина сама выносит из горящего дома огромный сундук с ценностями, который до этого еле-еле заносили два здоровенных мужика. Страх за имущество заставил. Молодая женщина, увидев скатывающуюся коляску с ее грудным ребенком, пробегает к ней расстояние в пятьдесят метров за считанные секунды, обгоняя движущийся автомобиль. Угроза за жизнь ребенка этому способствует. Другая женщина мчится через скоростное шоссе с интенсивным движением, удивительным образом избегая столкновения с движущимися на огромной скорости машинами, и успевает вытащить из-под колеса автомобиля своего зазевавшегося отпрыска. Опять-таки уникальная реакция на опасность.

– Но я же не в экстремальной ситуации, не нахожусь в опасности, – возразил Сергей.

– В основном, да. Но когда возникает угроза, что кто-то тебе может причинить ощутимую боль, твое подсознание определяет эту ситуацию как экстремальную и дает команды твоему телу соответствующим образом реагировать, причем быстро и жестко.

Далее я внезапно произвел попытку резкого удара открытой ладонью в лицо Пяткина. Хотя удар был неожиданным, Сергей быстро от него увернулся.

– Вот видишь. Теория действует, – прокомментировал я свой поступок —никто другой от моего удара сейчас бы не ушел и испытал бы очень чувствительную оплеуху. Так что давай приступать к интенсивным тренировкам, – закончил я этот разговор.

Естественно на следующем занятии по боксу я уделял львиную долю времени уже Пяткину. Сначала посадил с собой за парту для выполнения упражнения «барабанщики». Все мои удары достигали цели. Сергею ни разу не удалось вовремя отдернуть руку, а уж тем более достать меня.

«Все правильно, – отметил я —мои шлепки по руке никак не ассоциируются с опасностью. Вот если бы заменить мою ладонь молотком, ситуация, наверное, бы изменилась». Но экспериментировать таким способом не хотелось.

С резиновыми мечами – также никаких успехов. Девяносто процентов попали в цель. Реакция нулевая. Но все изменилось, когда я бросил в Сергея один за другим пять теннисных мячей. Бросал сильно, быстро и метко, но Пяткин от всех мастерски увернулся. Вот она – угроза, и вот – отменная реакция!

В конце тренировки я опять решил поставить Сергея на спаринг, теперь уже с другим учеником – восьмиклассником Женей Клименко.

– Удели все внимание атаке. Сначала медленно, больше ложных выпадов. Потом чуть ускорься, проведи ряд направленных ударов, но не перестарайся – травмы мне не нужны, – такие получил Женя от меня инструкции.

Этот поединок очень напоминал предыдущий. На ложные выпады, «запугивания» и обманные движения Пяткин практически не реагировал, но стоило Клименко увеличить темп и попытаться войти в полный контакт с соперником, у последнего «включилась» реакция: в ход вступили блоки, уходы, отскоки.

– Сергей, давай теперь ты в атаку! – скомандовал я уже Пяткину, но так и не заметил, что тот ее воспринял. Пяткин по-прежнему находился в глухой обороне, но благо, что результативной.

Атаки Евгения все развивались. Парень явно распалился. Я же лишь с удовлетворением наблюдал, как Сергей их мастерски отражает. Вот очередная опасная попытка, серия ударов и Клименко отлетает на несколько метров, опускаясь задницей на пол ринга. Теперь его остановил довольно сильный удар Пяткина. Я остановил поединок и побежал на ринг, осознавая свою ошибку: « Не Пяткина надо оберегать от неприятных последствий спаринга, пострадать может, наоборот, тот, кто с ним участвует в этом поединке, формируя угрозу для его подсознания. В реальном слабо контролируемом бою уже именно Пяткин представляет опасность для не очень то и подготовленных моих воспитанников. А значит, систему тренировок надо изменить.»

Пока я четко не разработал эту систему, я предложил Сергею приходить на тренировку на полчаса позже других, пропуская не столь актуальные для него упражнения на реакцию. Ну а спаринг я решил устраивать лично со мной, причем без посторонних свидетелей.

Поначалу наши поединки были довольно увлекательными. Я применял в них практически ту же тактику, какую вкладывал в инструкции предыдущим партнерам. Сначала бесконтактные обманные движения, наскоки-отскоки, «запугивание». Затем уже более- менее реальные атаки. И поведение Сергея на ринге стало для меня вполне предсказуемым. На ложные серии он внимания не обращал, зато реальные удары отражал с высоким мастерством. В общем, нет угрозы – нет ответной реакции, появилась опасность – появился ответ.

По сравнению с Пяткиным я был профессионалом в боксе, не говоря уже о том, что был килограммов на тридцать тяжелее его и значительно мощнее. Поэтому атаки я осуществлял в пол силы, контролируя степень соприкосновения и частоту ударов. Иногда я пытался вовлечь Сергея в наступление, но это, пока что, мало удавалось – его индикатор опасности, по-видимому, к победе в поединке не стремился. Да и вообще мне иногда казалось, что когда Пяткин предается отражению атак, он перестает реагировать на все происходящее, в том числе и на мои команды или советы.

Как то я чрезмерно увлекся нашим очередным поединком с Сергеем и, пожалуй, вышел за рамки наложенных мною же ограничений. Серия моих ударов была, как обычно, парирована и я пошел в более жесткую атаку, пытаюсь все-таки чуть зацепить Пяткина. Удар – перчатка, еще удар – опять блок. Еще попытка! И теперь уже я получаю довольно сильный контрудар в челюсть. Думаю, я получил даже нокдаун. Скула болит, в глазах искры, но я доволен и горд собой: «Моя теория действует». Не долго, правда, мне оставалось радоваться!

Еще через несколько занятий у меня возникла безрассудная идея – проверить на спаринге предел реакции Пяткина. И вот – пустой спортзал, импровизированный ринг и мой очередной, забегаая вперед, скажу последний поединок с Сергеем. Как обычно, разминка техническими движениями, затем мои атаки, его отражения. Я постепенно наращиваю темп и увеличиваю силу ударов. Его реакция отменна. Беру еще больший ритм. Правый боковой – отражает. Оперкот с левой- отскок. Еще сильный удар с правой – прикрывается от него обеими перчатками. И вот он полностью открыт для прямого удара с левой. Со всем боксерским азартом я начинаю реализовывать этот удар и ...оказываюсь лежащим на полу спортзала, сложенный в двое. Я получил предательский удар ногой под дых.

Во мне все закипало, а возникшая злоба на некоторое время затуманила сознание

– Ах, ты, ублюдок! Это же неспортивно. Да я тебя сейчас разорву в клочья! – с этими словами я вскочил и набросился на Пяткина. В голове у меня все помутилось, и я действительно был готов жестоко избить Сергея, но моя атака была остановлена не менее сильным ударом в пах.

И вот, я сижу на корточках, голова опущена, в глазах слезы от болевого шока. Периодически поглядываю на стоящего неподвижно, с недоуменным взглядом Сергея, а сознание порождает очередное удивительное открытие: « **Реальная опасность вызывает у Сергея не просто уникальную реакцию, способную ее отразить, она пробуждает гораздо большее – первобытный инстинкт самосохранения, способный эту опасность просто уничтожить.** Этот инстинкт, пробудившись, полностью выключает его сознание и доминирует в нем, пока угроза не будет ликвидирована. А раз так, то ни о каких результатах в боксе, ни о каких честных поединках речи не может быть. Инстинкт самосохранения не будет подчиняться ни законам, ни спортивным правилам, вообще ничему. И границы дозволенного также ему не определены. О моих грезах я могу просто забыть»

Я уже чуть приблизился к истине, хотя еще не осознал полностью всей сущности этого явления. Пяткину же я произнес только несколько фраз:

– Уходи. И больше не появляйся на моих занятиях!

Больше он и не появлялся.

5

Прошло почти три года. Наша школа из восьмилетки преобразовалась в среднюю. Мой коллега-физрук, Василий Иванович, ушел на пенсию, и на его место взяли женщину средних лет – в десятилетних школах предусмотрены отдельные уроки физкультуры для юношей и девушек старших классов. Я же по-прежнему работал учителем физкультуры и вел свою секцию по боксу. Правда, теперь мне еще как бывшему воину-афганцу дали в нагрузку проводить уроки начальной военной подготовки в первом для нашей «шестнадцатой» девятом классе. Отдельного преподавателя для этой дисциплины пока не пригласили.

С Пяткиным я встречался только на своих уроках – он как раз перешел в этот девятый класс. За эти годы Сергей очень изменился. Окреп, возмужал и превратился в статного, довольно привлекательного молодого человека. Он давно перестал быть объектом насмешек и издевательств, обрел друзей, а во многих ситуациях выделялся как лидер, или уж во всяком случае как фигура достойная для подражаний сверстников.

Как-то в конце марта, как раз перед весенними каникулами, наше Калининское РАЙНО устроило очередной этап спортивно-патриотической игры Орленок. Данная игра проводилась в течение всего учебного года среди старшеклассников и включала сдачу различных специфических нормативов как спортивного, так и военного характера. Местом проведения нынешнего мероприятия был выбран новый Дворец пионеров и школьников, расположенный на берегу реки Кальмиус. Я как исполняющий обязанности военрука сопровождал старшеклассников нашей школы.

Преодоление полосы препятствий, скоростная разборка-сборка автомата, одевание противозащитного газа, оказание неотложной помощи «раненому» и еще ряд подобных мероприятий были включены в повестку дня настоящего этапа. Часа через четыре соревнования закончились, ответственные распустили старшеклассников по домам, а мы, преподаватели, решили слегка отметить данное событие. Я же, как самый младший по возрасту среди военруков, офицеров в отставке, после непродолжительного чаепития был послан в гастроном за более серьезным напитком.

Не успел я пройти и метров двадцать от здания Дворца как увидел бегущего навстречу Пяткина.

– Геннадий Александрович, скорее, там ребята на Кальмиусе под лед провалились! – сбивчивым голосом выкрикнул он мне, предлагая следовать за ним.

У меня все похолодело внутри от предчувствия возможной трагедии, и я побежал за Сергеем.

Все оказалось не так страшно. Кальмиус, как раз вблизи Дворца пионеров, имеет небольшой заливчик метров тридцать в диаметре. По сути, большая лужа с максимальной глубиной метра полтора, не больше. И именно в нем я заметил находящихся по пояс в воде, испуганных четверых старшеклассников. Метрах в пяти-шести от берега они пытались взобраться на лед, но тот опять ломался и мальчишки снова падали в ледяную воду.

Я вброд, ломая своим весом тонкий лед, пошел им навстречу и поочередно также вброд вытащил каждого из них. Затем, убедившись в отсутствии каких-либо травм, приказал пострадавшим быстро бежать в помещение, а сам остался на некоторое время с Пяткиным для получения объяснений.

– Я так понял, ты на лед не полез? – начал я свой допрос.

– Да нет, я пошел вместе с ребятами, – ответил Сергей

– Но как же так? – удивился я – Ты ведь наиболее тяжелый из них, и должен был провалиться первым? А ты абсолютно сухой. Как же ты выбрался?

– Не знаю. Как я стал на лед, у меня закололо в затылке. И я куда-то пошел.

Тут мне бросились в глаза оставленные ботинками Сергея четкие следы на присыпанном поперх льда нетронутым слое снега. Каким-то странным замысловатым зигзагом они вели к противоположному берегу залива.

– Это ж твои следы? —спросил я и не дожидаясь ответа продолжил – Получается ты прошел метров тридцать-сорок по тонкому льду, непонятно как выбирая дорогу, и не провалился, хотя твои друзья и пару метров не смогли пройти?

– Наверное. Не помню.

Это было очень странным, но разбираться дальше, не было времени – надо было бежать оказывать помощь пострадавшим, да и сушиться самому.

Участников же экстремального купания тем временем напоили горячим чаем, переодели в сухую одежду и закутали теплыми одеялами. Испуг ребят быстро сменился веселым настроением: смехом, шутками и бахвальством на тему, кто сколько раз проваливался и как пытался выбраться. В общем, трагедия переросла в фарс, и горе-купальщики через пару часов были отправлены домой в целости и сохранности. Мне же на следующий день здорово досталось от школьного руководства за то, что не уследил, хотя собственно моя вина была весьма сомнительна. Но ведь должен же был кто-то отвечать.

А в начале июля я был в качестве руководителя этого же девятого класса отправлен на три недели в летний трудовой лагерь или попросту колхоз. Великоновоселковский район. Село Комарь. Великолепное время для летнего отдыха! До обеда школьники работали на сборе малины или иной ягоды, а после обеда предавались прелестями свободного времени вдали от городского шума. Учащиеся нашей школы от седьмого до девятого класса занимали целый большой корпус-общежитие, специально построенный для этих целей. В мои обязанности входило следить за дисциплиной вверенного мне класса, а также организовывать мероприятия по проведению досуга для всей школы. В вопросах дисциплины я был достаточно демократичен и сразу же по приезду изложил свои требования:

– Вы достаточно взрослые, поэтому пастухом вам быть не намерен. За серьезные нарушения расправляюсь лично. А вы меня знаете. За спиртное и речи не веду. Да и не продаст вам его никто здесь. Наличие сигарет в карманах проверять не буду, и шпионить кто где курит тоже не собираюсь, но кого увижу курящим – считай, залетел. Кто не захочет спастись в положенное время – его личное дело, главное, чтоб другим не мешал и работал как положено. В общем, живите тихо и мирно. Веселитесь и другим давайте.

Ну а в часы досуга, после полуденного тихого часа я организовывал различные соревнования, конкурсы, небольшие походы, а каждый вечер на спортивной площадке устраивалась дискотека.

Напротив нашего корпуса, как раз за спортивной площадкой, располагался аналогичный спальный корпус. Он был заполнен лишь на треть – в нем проживало несколько групп студентов третьего курса педагогического техникума, а если точнее исключительно студенток. Девушки были уже вполне взрослыми, на пару лет старше наших девятиклассников, поэтому с моими подопечными практически не контактировали и держались особняком. Единственно, многие из них по вечерам выходили на спортплощадку потанцевать под наши фонограммы, образуя свой отдельный круг.

Вот только две самые активны из них, чуть позднее я узнал их имена, Ира и Лена, стали проявлять интерес к нашим парням. Они перезнакомились со всеми, постоянно стали проводить в компаниях подростков, старались привлечь максимум внимания к себе, а еще я заметил некоторую развязанность в их поведении. Ну и главным объектом внимания этих девиц стал, естественно Сергей Пяткин как наиболее взросло выглядывший среди сверстников.

Я стал наблюдать как, Сергей ходил гулять с Ирой или Леной, иногда с обеими вместе, часто уединялся с ними игнорируя наши мероприятия. К этой компании вскоре присоединились еще несколько одноклассников Пяткина, отделившись, таким образом, от основного кол-

лектива. Мне этот флирт сразу оказался не по душе, но положить ему конец у меня оснований не было. Пока. Пока не стал случайным свидетелем очень интересного разговора.

Во время трудового промежутка дня я разлегся на травке между кустами малины и предавался всевозможным раздумьям и грезам. На соседней грядке двое моих подопечных, не замечая меня, собирали малину, и до меня донесся следующий их диалог:

– А Емеля-то наш импотентом оказался, – по голосу я узнал Володю Крюкова.

– Да ну. Быть такого не может, ты б видел какой у него стояк по утрам, – сомнения выразил второй из них, оказавшийся Андреем Тарасовым.

– Стояк то стояк, но вот Ирка говорит, что на нее у Пяткина даже не встал. И Ленка подтвердила, что он ничего не может.

– Во дела! Кто бы мог подумать.

– А, тебе с кем больше понравилось? С Ирой или Леной? – продолжил Крюков.

– Не знаю обе они классные и страстные, но мы сегодня с Леной договорились, – ответил Тарасов.

– Ничего у тебя не выйдет. Мне Ирка сказала, что у Лены месячные начались.

– Во, блин, облом. А я уже размечтался, как ей втыкать буду, – огорчился Тарасов.

– Не расстраивайся, – утешил товарища Крюков – Ирина сказала, что хочет, что бы мы вдвоем одновременно ее сегодня попробовали. Так что сачковать теперь не будем, братан!

Товарищи рассмеявшись, перешли к следующему кусту, и их дальнейшая речь стала мало разборчивой.

«Интимные отношения? Среди моих подопечных? Да еще в таком ракурсе, – с негодованием подумал я – сегодня же положу конец их вольнице» И я положил. Но было уже поздно.

Спустя неделю после нашего возвращения из трудового лагеря меня срочно вызвал к себе в кабинет директор школы, не смотря на то, что я находился в отпуске. Владимир Петрович был в бешенстве.

– И как это Вы, Геннадий Александрович, такое во вверенном вам классе допустили, в колхозе? – с нескрываемым ехидством задал вопрос директор.

– А, что случилось, Владимир Петрович? Мы нормально съездили, с работой справились, никаких происшествий не случилось, – с недоумением ответил я.

– Ах ты, мудака! – вскипел директор – а то, что два твоих пацана триппер подцепили это не происшествие? То, что к нам сейчас органы едут дознание проводить – это нормально все? Да ты куда смотрел, пофигист хренов. Молись, что б тебя еще в тюрьму не посадили за преступную халатность, а то, что тебя с работы вышвырнут, так в этом будь уверен.

Ситуация оказалось действительно весьма скверной. Через несколько дней после приезда из колхоза Володя Крюков обнаружил у себя непонятные симптомы. Он обратился к родителям, те незамедлительно отправились к врачу. Диагноз – острая гонорея. Спустя еще несколько дней аналогичные симптомы проявились и у Андрея Тарасова. Диагноз тот же. Два случая заражения венерической болезнью в одном классе. Это однозначно ЧП. Родители школьников вполне справедливо подняли огромный скандал, даже с привлечением правоохранительных органов. Последнее обстоятельство также было вполне обоснованным, так как в те времена врачи обязаны были сообщать, куда следует, о подобных заболеваниях, тем более среди подростков.

Разборки длились целых две недели. Меня по несколько раз опрашивали и в различных инстанциях в сфере образования, и в правоохранительных органах. Вся информация до меня никто не доводил. Знаю только, что двум вышеназванным девятиклассникам также пришлось ответить на все вопросы, причем с интимными подробностями, а затем на недельку лечь в соответствующий стационар. Был вызван для обследования и дачи показаний и Сергей Пяткин. Вот только никакого подобного заболевания у него не обнаружилось.

Уголовное дело на меня никто заводить не стал, но козлом отпущения я был назначен. А еще от работы в школе меня все-таки попросили.

6

Где-то в конце августа я освобождал свой рабочий школьный кабинет. Собирал вещи, просматривал записи, наводил порядок. В кабинет заглянул Сергей Пяткин.

– Можно, Геннадий Александрович?

Я вопросительно посмотрел на него.

– Я пришел извиниться перед вами за то, что случилось с ребятами в колхозе. Ведь это я познакомил их с этими... девушками.

– Ну что ж, давай поговорим, – ответил я, приглашая присесть. Тем более, что вопросов к Сергею у меня накопилась целая масса.

– Хотелось бы поговорить с тобой предельно откровенно, как мужчина с женщиной, – начал я свое предложение. – Ведь ты уже совершеннолетний? Тебе ж, вроде бы исполнилось восемнадцать лет?

– В ноябре стукнет, – поправил меня Сергей

– Ну не имеет значения. Ответь мне на, может, не очень тактичный вопрос: у тебя действительно не получилась вступить в половую связь с этими девицами? И причем оба раза?

– Трижды, – покраснев, опять поправил меня Сергей.

– Ну, расскажи, как все-таки было, – настаивал я. И Сергей, запинаясь и смущаясь, начал свое признание:

– В первый раз мы пошли с Ириной на ставок купаться, голыми как она предложила. Потом стали целоваться и трогать друг друга за эти вот места. Я очень возбудился, Ирина, похоже, тоже. Потом она легла на траву, приглашая меня к себе. Но у меня сразу закололо в затылке, и я оделся и ушел.

«Заколото в затылке». Где-то я эту фразу не раз слышал.

– Продолжай. Что дальше? – с нетерпением потребовал я

– Дальше на следующий день мы пробовали заняться этим на кровати в свободной комнате в их корпусе. И я, и Ира очень возбудились, но у меня опять закололо в затылке. Как я ушел даже не помню

«Заколото в затылке». У меня перед глазами внезапно возникла картина: зигзаги четких следов Сергея оставленных на тонком льду Кальмиуса.

– С Леной тоже в затылке закололо? – догадался я

– Да, – удивляясь, подтвердил Сергей.

«Заколото в затылке». Вот она разгадка всему происходящему.

– Скажи, а у тебя уже бывал секс до этого? Только честно.

– Был один раз, – признался тот – с соседкой по лестничной площадке.

– В затылке не закололо и все получилось?

Сергей кивком подтвердил.

С меня внезапно спала завеса, скрывавшая тайну происходящего с ним. Объяснение было безумным, фантастичным, но единственно логичным. Голова шла кругом, разум до конца не мог его принять, но другого не существовало, просто не могло бы быть. Проведя в задумчивости несколько минут я все же рискнул поделиться своей теорией с Пяткиным:

– Помнишь, я тебе говорил на занятии по боксу, что, по моему убеждению, в минуты реальной опасности у тебя просыпается удивительная реакция, делающая тебя в эти минуты сильным и ловким, способным дать достойный отпор возникшей угрозе? Потом я понял, что твой внутренний индикатор, твое шестое чувство, я бы сказал, вызывает не просто отменную реакцию, оно пробуждает инстинкт самосохранения, способный не просто отразить угрозу, но и ее попросту уничтожить. Именно поэтому мы прекратили тренировки по боксу. Но, теперь я вижу, что это лишь пол правды. Твое шестое чувство, правильное выразиться, твой

дар, каким-то непостижимым образом чувствует опасность из далека и при необходимости наделяет тебя всеми необходимыми качествами, чтобы эту угрозу отвести. Будь то отменная реакция, бойцовские навыки или что-либо еще. А иногда и просто заставляет твой организм от этой опасности уйти. Именно тогда у тебя начинается колотить в затылке и частично выключается сознание.

Сергей, не проронив ни слова, открыв рот, зачарованно слушал меня. Я же продолжал:

– Во время поединков твой дар включал отменную реакцию, дающую возможность отражать все удары, а когда твоих боксерских навыков не хватило, он просто заставил тебя прибегнуть к недозволенным приемам и все же угрозу остановил. Когда ты стал на хрупкий лед, твое шестое чувство подсказало тебе, каким маршрутом необходимо пройти, чтобы не провалиться и не испытать неприятные ощущения. Так же и с этими девицами в колхозе: твой инстинкт самосохранения не позволил тебе вступить с ними в интимную близость, а значит не подцепить плохую болезнь. И во всех этих случаях ты жаловался на покалывание в затылке и частично терял ориентацию.

Далее меня осенила очередная догадка.

– Скажи, а вот когда ты в детстве упал с дерева, уж не затылком ли ты ударился?

– Точно не могу сказать, но, по-моему, так, – подтвердил Сергей.

– Мне кажется, что эти твои способности связаны как раз с тем падением, – задумчиво произнес я – Сильная травма, после которой ты чудом остался живой, включила в твой мозг неведомые свойства, защищающие тебя от неприятностей.

Далее поставил очередной вопрос:

– А вот можешь ли ты припомнить после того случая с падением, были ли у тебя какие-либо серьезные травмы, ну, может, переломы, ушибы, растяжения? В жизни мальчишек они случаются сплошь и рядом.

– Не было, – сразу ответил Сергей.

– Ну а более мелкие неприятности? Сильные порезы, ожоги.

– Тоже не припомню.

– Мда. Похож, тебя защищает твой дар от всего этого.

Невероятно! Я был просто обескуражен. Но мой мозг продолжал работать, выискивая подтверждения моим догадкам, и заставил задать следующий вопрос:

– А вот скажи, часто ли ты сталкивался с этим характерным покалыванием в затылке? Ну, скажем в последнее время, не беря во внимания два последних случая. Сергей задумался.

– Ну, я помню, как-то в начале марта было очень скользко. Я шел в школу по наклонной дороге, и у меня колело в затылке.

– Да, все правильно, – запальчиво произнес я – Я очень хорошо помню эти дни. Сильный мороз сменил сразу ночной дождь, и был ужасный гололед. Я раза три основательно щлепнулся, пока не дошел до работы. Но ты ведь не поскользнулся?

– Нет. Ни разу. – подтвердил Пяткин

– Вот видишь. Включилось твое шестое чувство, заставив придать максимальную осторожность передвижению. А еще что-нибудь подобное?

Размышления длились несколько минут, затем он возбужденно ответил:

– А, вот у меня еще был случай, который опровергает Вашу теорию. Я несколько месяцев подряд часто провожал по вечерам Та... – Сергей вовремя остановился, чтобы не произнести женское имя – в общем свою девушку. Я провожал ее до подъезда, а возвращаясь назад сам, срезал угол, проходя через дворы. Однажды, думаю это было в конце мая, когда я шел назад, у меня вдруг закололо в затылке, и я, почему-то, пошел в обход. В общем, опасности то не было, а все равно закололо.

Я возразил:

– Этот случай, может, совсем и не опровергает, а наоборот, подтверждает мою теорию. Может быть, в соседнем дворе тебя тогда поджидала группа хулиганов, которая была в состоянии предоставить тебе массу неприятностей, и твое шестое чувство заставило тебя свернуть с привычного пути. Хотя это уже и не докажешь, – долее после некоторой паузы добавил, – Хотя было бы очень интересно доказать.

Мне вдруг вспомнился эпизод из одного популярного французского фильма. Я поделился этими воспоминаниями с Пяткиным:

– Помнишь нашу любимую кинокомедию «Невезучие»? Круглый стол. Вокруг стола стоят с десяток стульев. У одного из них подпилили ножку. Далее герою Пьера Ришара предлагают сесть на один из этих стульев. И он, как невезучий по сюжету, садится именно на подпиленный стул и естественно падает. Так вот, если этот эксперимент проделать с тобой, только подпилить ножки у девяти стульев, то твой дар позволит тебе сесть лишь на оставшийся целый стул.

– Вы предлагаете воплотить мне этот опыт со стульями, – с улыбкой спросил Сергей.

– Да нет, – тоже, смеясь, ответил я – Это было бы очень трудоемко. Да и мебель портить не хочется.

Наш разговор стал принимать более веселый оттенок.

– Тогда может быть мне попробовать стать на канат, натянутый под куполом цирка, – шутя предложил Сергей – А мой, как Вы выражаетесь, дар позволит мне пройти по нему всему как цирковой канатоходец, и я не свалюсь вниз?

– Наверное, так и будет, – подтвердил я, затем более серьезно добавил – Хотя, скорее всего, как я выражаюсь, твой дар просто не позволит тебе и ступить на этот канат. Да и такой способ проверки уж больно рискованный. Можно придумать и что-либо попроще.

На этих слова мы закончили нашу беседу, обменялись рукопожатиями и расстались.

Я покинул свою работу в школе. Занялся решением вопроса о дальнейшем применении своим силам. А спустя месяц после этого разговора я получил на свой домашний адрес письмо от Пяткина с коротким, содержащим всего несколько фраз, текстом:

«Я нашел способ проверить. Проверил. Вы оказались правы»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОБЕГ

1

Прошло еще три года. Точнее три с половиной. За это время окружающий меня мир напрочь перевернулся. Закончилась Перестройка, неудавшийся путч ГКЧП отстранил от власти Горбачева, а Беловежское соглашение положило начало образованию нового государства, гражданином которого я стал – независимой Украине. Дальше – больше. Рубли сменили купоны, недавно вышедшие в свет кооперативы стали вытесняться частными фирмами, совместными предприятиями и другими подобными элементами рыночной экономики. Приватизация, глобализация и гиперинфляция. Коренным образом изменилась и моя личная жизнь – из скромного школьного учителя я превратился в жестокого бандита- рэкетира.

Еще, когда я работал учителем физкультуры, мои товарищи «афганцы» приглашали меня на работу в недавно открывшуюся частную охранную фирму.

– Ген, хватит тебе за копейки в своей школе прозябать. Мир меняется. Сейчас с твоими физическими данными и опытом можно хорошие деньги зарабатывать. Так что айда к нам! – призывали они.

Но тогда мне это было не интересно. Пусть моя учительская зарплата действительно была мизерной, зато я получал удовлетворение от своей работы. Однако, после увольнения мне пришлось этим предложением сразу воспользоваться. Работа сейчас на дороге не валяется, а тем более хорошо оплачиваемая.

Вначале в деятельности фирмы ничего незаконного не было. Сопровождение ценных грузов, охрана различных объектов, ну и работа телохранителями отдельных, недавно появившихся, бизнесменов. В последнем роде деятельности в конце концов я и был задействован.

Меня, вместе с еще двумя коллегами «по оружию», прикрепили к физической охране молодого отпрыска одного довольно крупного бывшего руководителя социалистической экономики. Расторопный сынок получил определенный первоначальный стартовый капитал, многочисленные отцовские связи ну и быстро устремился по пути бизнесмена-капиталиста. В настоящий момент мой бывший «патрон» стал довольно известной личностью, поэтому упоминать в своем повествовании его имя мне не хочется, да и не в нем самом дело, в конце концов.

В целом закрепленного за мной «нового русского» нельзя было назвать конченным подонком. В меру разнуздан, в меру нагловат. Ну а как вы хотели? Золотая молодежь. Но к своим личным охранникам он относился вполне прилично, как морально, так и материально. В нашу задачу входило сопровождать «молодого хозяина» в его поездках, многочисленных встречах, частых «производственных разборках» ну и в похождениях по кабакам, девкам и прочим развлекаловкам. Пусть у меня и было мало свободного времени, но платили достаточно неплохо, причем в свободно конвертируемой валюте. Работа также была не особо напряжная и уж вряд ли особоопасная. Самоотолько присутствие хорошо сложенного, подтянутого телохранителя в большинстве случаев в корне пресекало возможные поползновения в сторону его «хозяина». Моя же «специфическая» устрашающая внешность делала эти попытки практически нереальными. Так что новой работой я был в общем то доволен и занимался ею почти год.

Но однажды хозяин вызвал меня для серьезного разговора.

– Ген, ты хороший парень и полностью справляешься с задачами, которые на тебя возложены, – обратился он ко мне – Вот только твоя нелицеприятная физиономия перестала меня устраивать. Ты ж видишь, мой бизнес развивается, растет, выходит на международную арену,

и я уже не могу себе позволить, чтобы мои охранники выглядели как монстры из фильмов ужасов. Так что извини, ничего личного, но тебе придется возвращаться назад в охранную фирму.

В чем-то он был действительно прав. За последнее время «терки» и разборки со всякой шпаной канули в лету, переговоры теперь в основном велись с более солидными людьми, очень часто встречались с иностранцами. Поэтому мое обоженное, все покрытое шрамами лицо действительно могло отрицательно отразиться на имидже компании. И мне пришлось вернуться в охранную фирму.

Вот только последняя за этот год напрочь поменяла свою деятельность. Охрана переросла в крышевание, крышевание дополнилось шантажом и вымогательством. Ну прямо как в новых популярных фильмах на эту тему. Предпринимателю предлагают защиту, если тот отказывается платить – принимают соответствующие меры, будь то насилие, поджог имущества или угрозы в отношении близких. И в этих «мероприятиях» теперь был задействован и я сам. В добавок очень часто приходилось участвовать в потасовках между подобными, уже криминальными структурами. Теперь дело нередко доходило до кровавых драк, поножовщины, и даже перестрелках. И огнестрельное оружие стало постоянным атрибутом в моей деятельности.

Такая работа мне очень мало нравилась, но ведь надо было как-то зарабатывать на существование. А спустя еще пару месяцев меня назначили старшим над небольшой группой вооруженных бандитов, бригадиром, так сказать. И это случилось вовсе не потому, что я хорошо стрелял и имел навыки в рукопашном бою, просто в нашей организации люди с головой становились в дефиците. Больше тяжеловесных отморожков. Теперь мне приходилось самому организовывать «наезды» и выдавать соответствующие распоряжения.

Но и это еще не было пределом моего нравственного падения. В наши ряды стали вливаться представители криминального мира, рецидивисты, просидевшие на нарах не один год своей жизни, а наша организация в свою очередь постепенно начала вливаться в этот криминальный мир. В конце концов бывшая охранная фирма оказалась под полным влиянием известного авторитета Ашота Карапетяна, известного по кличке «Карен». Под его же подчинение перешел и я со своей небольшой группой, насчитывающей восемь-десять «бойцов».

Сфера влияния Карена охватывала огромную часть «делового» Донца: рынки, рестораны, ночные заведения и многое другое. И в задачу моей группы входило всячески «охранять» эту сферу: ставить на место «залетных», «склонять к сотрудничеству» хозяев того или иного бизнеса, бороться с конкурентами, а иных и просто «устранять». Да, физическое насилие стало постоянным спутником моей деятельности. Так я постепенно превратился в заурядного бандита. Нет, все-таки не в заурядного. В криминального руководителя.

Хотя по своей натуре я оказался вовсе не кровожадным. Всегда старался избегать лишнего насилия. Где было возможно пытался решить конфликт словами, пусть и страшными угрозами, зато без применения силы и оружия, чем зачастую вызывал неодобрение со стороны своих подчиненных. Для многих из них черты садизма явно превалировали, и поработать над беспомощной жертвой кулаками или иными подручными средствами было вершиной удовольствия. Поэтому в подобных «разборках» ситуация у меня нередко выходила из-под контроля и сдерживать опьяненную кровью толпу дегенератов становилось все труднее и труднее. Ну а последний случай достаточно серьезно поколебал мой авторитет и поставил под сомнение возможность руководить этой группой в дальнейшем.

А дело было в следующем. Один бизнесмен средней руки открыл на Привокзальной площади (также вотчине Карапетяна) довольно солидный гриль-бар. Хороший интерьер, неплохая кухня, и, соответственно, высокая посещаемость. На вскоре последовавшие призывы братвы, что пора бы делиться, он ответил категорическим отказом. Крепким орешком оказался. Ну а после полагающегося в таких случаях «наезда» написал заяву в милицию, да еще и подключил к решению вопроса своих знакомых из правоохранительных органов.

Следует заметить, что Карен давно уже держал многих ментов «на зарплате», поэтому правоохранительные органы чаще всего закрывали глаза на его «наезды». Но тут возник, если можно выразиться, конфликт интересов и моему боссу порекомендовали побыстрее решить проблему с непокорным бизнесменом. «Нет человека, нет проблемы» – примерно так. И вот Карен, как раз в канун нового года, послал мою группу последний раз попытаться «договориться» с хозяином бара, а в случае его окончательного отказа, убрать последнего. Платить должны все!

– Поменьше шума и никаких следов, – такими словами закончил свои инструкции наш босс.

И вот поздним вечером мы вчетвером ворвались в квартиру несговорчивого бизнесмена. В квартире он проживал один, но в тот вечер у него дома оказалась его сестра, молодая женщина лет тридцати и в добавок с явными признаками беременности. Бизнесмен выскочил нам на встречу с охотничьим ружьем, но не успел им воспользоваться получив от моего помощника по кличке Молот сильный удар монтировкой по голове. Женщина подняла громкий крик и оказала отчаянное сопротивление, когда ее связывали и засовывали в рот кляп. После того, как шумная возня прекратилась, я попытался привести нашего «подопечного» в чувства, но был остановлен недовольным призывом одного из своих подчиненных:

– Гена, хватит с ним вошкаться. Мочим и валим отсюда. Итак, столько шума наделали.

– Подожди. Сначала поговорить с ним надо, – попытался урезонить я парня.

Но тут вмешался опять Молот, Следует заметить, редкий отморозок:

– Нечего с ними разговаривать. Нам ясно приказали, что с ним делать, – и с этими словами он подскочил к еще не пришедшему в сознание бизнесмену и воткнул ему нож под ребра.

– Теперь очередь за бабой, – произнес он же

Этого я допустить не мог. Я врезал отморозку в челюсть, так что тот отлетел к противоположной стенке и выхватил пистолет.

– Только кто пусть попробует тронуть женщину, пристрелю не задумываясь, – теперь уже я запыхал гневом, а в гневе я очень страшен.

– Гена, но она же сдаст нас с потрохами, – послышалось недовольное роптание.

– Не сдаст. Будет молчать как рыба, а иначе я ее уже сам урюю. Так ведь? – последний вопрос был уже адресован несчастной женщине.

Так сдерживая рыдание, яростно закивала головой. Я чуть ослабил узлы на веревке и наполовину вытащил кляп. Через пол часа – час сможет освободиться сама.

– Все. Валим отсюда, – выдал я жесткий приказ, и меня все-таки послушались.

На следующее утро меня вызвал к себе Карен, и предстоящий разговор явно ничего хорошего не предвещал.

– Я же тебе дал четкие указания – не оставлять никаких следов, – с нескрываемым раздражением начал он свои наставления – А ты оставил в живых эту сучку. Еще и братанов при ней унизил.

Я пустил в ход заранее подготовленные доводы:

– Но Карен, мы вчера замочили этого терпилу-бизнесмена. Никакого кипиша из-за этого не должно быть. «Криминальные разборки» – так напишут в своих сводках менты. А вот, если бы мы положили еще и бабу, то неприятностей бы не миновали. Кто знает, какие у нее знакомые? Да и тот лох заяву на нас писал. Я подумал, что без лишней крови лучше будет.

– А, кто тебе разрешал думать, мудила? – выкрикнул Карапетян, ударяя рукой по столу, его раздражение сменилось диким гневом – Я за вас за всех думаю, и я решаю. А ты вообще никто. Говно без палочки. Как раб должен приказы выполнять!

Затем, чуть успокоившись, добавил:

– Хотя может ты и прав. Вот только часто ты стал самодеятельностью заниматься. Не устраивает меня это. Иди пока отдыхай, новогодние праздники отмечай, а я подумаю, что

с тобой дальше делать. А ребятами твоими пусть пока Молот порулит. Он в отличие от тебя меньше думает. Все, свободен!

Итак, я попал в опалу. И чем эта опала закончится, одному Богу известно, ну и Карену, наверное. А ведь может приказать, чтоб меня в расход пустили. Может пора мне «ноги делать» из родного города. Вот только от этой «братвы» не так легко укрыться, найдут и у «негра в жопе», если понадобится.

2

На «побег» я так и не решился. Но мой босс вызвал меня к себе аж после Старого Нового года, а это уже был, в общем-то, неплохой расклад. Раз со мной сразу не «разобрались», значит не очень-то я и «накосячил»

В прокуренном кабинете Карапетяна находилось еще пять братков.

– Даю тебе шанс реабилитироваться, – такой фразой встретил меня Карен – Присаживайся и слушай внимательно.

Я присоединился к «сподвижникам» и приготовился получать новые инструкции.

– Итак, нарисовался у нас в городе один молокосос, Нигде раньше не светился, ничем себя не проявил. Но вот пацанов наших, которые с ним разобраться хотели, три дня назад послал в отключку голыми руками. Трех одновременно, причем далеко не хилых, спортсменов. Обыкновенный чмошный студентиска – фарцовщик, а руками, как Брюс Ли машет. Пацаны наши, вообще-то собой ничего особого не представляют. Так качки безмозглые. Но среди них был племянш моего уважаемого земляка Наника Саакяна. Наник сейчас на нарах чалится, а меня за племянником просил присмотреть. Вот досмотрелся. Сейчас пацан в реанимации лежит, студент ему трахею перебил. Опять же голой рукой.

Какая-то тревога вкралась в мое сердце после этих слов. Непонятное чувство, что я что-то подзабыл или упускаю. Но я уняв волнение продолжил слушать речь Карапетяна.

– После драки мальчишка скрылся. Ни домой не пришел ночевать, ни в своем институте больше не появлялся. Но мы его нашли все-таки. Пришлось ментов наших привлечь для этого. Сейчас он у свой телки отсиживается. Зассал, видно, сильно. В частном секторе возле шахты Калинина. Телка проживает там вместе с матерью в небольшом домике. Вот только мать сейчас недавно прооперировали в больнице, поэтому девка допоздна у нее в палате просиживает, часов до восьми -девяти вечера. Так что, если ты со своими пацанами часов в шесть туда завалите, то студента самого застанете. Хлопот меньше будет.

– Что нам с ним делать? – попросил уточнения я

– Скрутите и ко мне сразу. А я уже решу, что с ним делать. Мне Наник не простит, если обидчик за племянника не ответит. Только возьми с собой ребят понадежнее и стволы обязательно. Не знаю где он так научился, но махается щенок мастерски. И Азора с собой возьми для подстраховки.

Азор был не из моей «бригады». Земляк Карапетяна, также уголовник-рецидивист. А еще он славился своей чрезвычайной жестокостью и беспощадностью.

– Карен, а может мы сразу пристрелим мальчишку? Чего лишний шум подымать, – это уже он задал вопрос нашему главарю.

– За шум не беспокойтесь. Менты вмешиваться не будут. Я с ними договорился. А пацан мне живой нужен. Может с ним Наник лично разобраться захочет.

– Ну а если, он заартачится и брыкаться сильно будет? – не унимался Азор.

– Тогда ему ногу прострелите или яйца, но мочить только в самом крайнем случае.

Дальше Карен обратился опять непосредственно ко мне:

– Разработай план как брать будете, проинструктируй каждого. Это как раз тот случай, когда подумать надо будет. Туполобый Молот с этой работой не справится. Вот тебе ксерокопии фотографии вашего «клиента». Раздашь своим. Его, кстати, Сергей Пяткин величают.

Внутри меня что-то оборвалось, в душе похолодело, и я впал в стопор. Вот где опять талант моего бывшего ученика проявился. Значить мне встреча именно с ним предстоит. Но на этот раз при довольно тяжелых обстоятельствах.

Изменение моего настроения не прошло незамеченным для Карапетяна.

– А, что это ты так в лице поменялся? Знаешь его что ли?

– Да нет, – пересохшими губами возразил я – просто я еще после недавней простуды не совсем оправился.

– Ты мне смотри, не подведи меня и в этот раз, – сурово предупредил меня Карен – Иначе это будет твоя последняя вылазка. Не утрати моего доверия окончательно.

Последнего, действительно, ох как не хотелось, но предавать Пяткина в руки бандитов еще больше.

«Ладно, на месте сориентируюсь» – подумал я и пошел готовиться к операции.

На «дело» мы выехали, как и рекомендовал Карен, около шести часов, когда достаточно стемнело. В машине, новеньком ГАЗ-24, нас было пятеро. Кроме меня ехали три моих подчиненных: Крот, Павлик и Балабол. Хлопцы действительно более-менее толковые и подготовленные. Но самое важное, я их выбрал за то, что они не склонны были к лишней агрессии и никогда не ослушивались моих приказов. Ну а пятым в нашей команде был все тот же Азор.. Вот в его «покладистости» я очень сомневался, точнее даже был уверен, что с ним возникнут серьезные проблемы. Как конкретно поступить с Пяткиным я все еще не решил, но надеялся что-то придумать в зависимости от обстоятельств.

Подъехав к калитке нужного нам дома я выдал последнее указание:

– Крот, Павлик и я сейчас перемахиваем через забор и сразу вламываемся в дом. Азор, прикрываешь нас во дворе. А ты Балабол остаешься в машине. Только развернись сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.